

Хачетлова Сусанна Мухамедовна

ОСНОВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ АДЫГОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

Проблемы миграционных процессов занимают видное место в исторической науке. В этой связи автор описала миграционные процессы, протекавшие на территории Северо-Западного и Центрального Кавказа с конца XVIII до первого десятилетия XX века, и рассмотрела последствия миграционной политики царской России и Османской империи для адыгов. Проведен сравнительный анализ условий существования горских этносов в Российской и Османской империях и показан основной путь продвижения для горцев в обществе этих стран.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (57): в 2-х ч. Ч. II. С. 183-189. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

документальных и художественных информационных потоков, но исключительно для достижения тактических задач. В современной политической ситуации российская власть могла бы максимально полно реализовать коммуникационный потенциал гласности как технологию, которая в состоянии формировать насыщенное актуальной проблематикой информационное поле, и эффективно модерировать общественные дискуссии по модернизации политической системы.

Список литературы

1. **Болдин В. И.** Крушение пьедестала. Штрихи к портрету Горбачева М. С. М.: Республика, 1995. 460 с.
2. **Бордюгов Г. А., Козлов В. А.** История и конъюнктура. М.: Изд-во политической литературы, 1992. 355 с.
3. **Бурбулис Г. Э.** Как распался СССР // Я иду на урок истории. 2001. № 47. С. 5-11.
4. **Гайдар Е. Т.** Дни поражений и побед. М.: Варгиус, 1996, 400 с.
5. **Геллер М. Я.** Горбачев: победа гласности, поражение перестройки // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: в 2-х т. М.: Российский гос. ун-т, 1997. Т. II. Апогей и крах сталинизма / под общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. С. 546-576.
6. **Дугин А. Г.** Консервативная революция. М.: Арктогея, 1994. 343 с.
7. **Засурский Я. Н.** Десять лет свободы печати в России // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2001. № 1. С. 3-12.
8. **Зюганов Г. А.** Россия и современный мир. М.: Информпечать, 1996. 448 с.
9. **Струкова Е. Н.** Альтернативная периодическая печать и ее роль в становлении многопартийности в России: 1987-1996 гг.: дисс. ... к. филол. н. М., 2002. 215 с.
10. **Ушанов П. В.** Гласность как политическая технология. Владивосток: Издательский дом ДВФУ, 2012. 120 с.
11. **Ушанов П. В.** Потенциал телевизионного сериала как элемента политической коммуникации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 3 (41). Ч. 2. С. 194-196.
12. **Ушанов П. В.** Президент как главная политическая фигура страны в российском остросюжетном романе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 2 (52). Ч. 1. С. 188-192.
13. **Якобсон Р. О.** Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
14. **Якобсон Р. О.** Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 248 с.

GLASNOST AS A POLITICAL TECHNOLOGY: CHARACTERISTIC OF STRUCTURAL ELEMENTS

Ushanov Pavel Vital'evich, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Vladivostok State University of Economics and Service
ushanov08@mail.ru

The article examines the communicative essence of the informational policy of the period of perestroika – glasnost. The structure of glasnost, factors providing the efficiency of its application in the conditions of the competition of ideas and political programs are highlighted. It is postulated that the main technological means of providing glasnost may be used by the Russian authority while forming modern communication strategy, because just in the period of perestroika the fundamentals of the management of communications in our country were laid.

Key words and phrases: perestroika; glasnost; political technology; binarity; convergence; informational field; technological means of providing glasnost.

УДК 93

Исторические науки и археология

Проблемы миграционных процессов занимают видное место в исторической науке. В этой связи автор описала миграционные процессы, протекавшие на территории Северо-Западного и Центрального Кавказа с конца XVIII до первого десятилетия XX века, и рассмотрела последствия миграционной политики царской России и Османской империи для адыгов. Проведен сравнительный анализ условий существования горских этносов в Российской и Османской империях и показан основной путь продвижения для горцев в обществе этих стран.

Ключевые слова и фразы: адыги (кабардинцы, черкесы, адыгейцы); миграционная политика; политика царской России; Османская империя; государственная карьера; военная карьера; процесс аккультурации и русификации.

Хачетлова Сусанна Мухамедовна, к.и.н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова
ha4etlova@yandex.ru

**ОСНОВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИИ АДЫГОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА ©**

В предлагаемой статье рассматриваются основные последствия миграционной политики царской России, проводимой ею на Северном Кавказе с конца XVIII до первого десятилетия XX в. включительно и прерванной

Октябрьской революцией. Это позволит ответить на следующие вопросы нашего исследования: «В какой степени те горцы, которые добровольно или насильно эмигрировали в Османскую империю, и те горцы, которые остались на родине, смогли сохранить и развить свои национальную культуру, традиции и религию?»; «Для кого в ходе реализации российской и османской миграционной политики условия развития этноса оказались более плодотворными, а для кого – менее?».

При рассмотрении основных последствий массового переселения горцев с конца XVIII до начала XX в. на Ближний Восток проанализируем систему первоначального и дальнейшего расселения эмигрантов на новых землях. Она была разработана турецкими властями и базировалась на нескольких принципах, которые должны были отвечать тем определенным целям, ради которых Османская империя решила на столь мощные волны переселенцев в свое государство. Н. Берзедж подчеркивал, что такими являлись следующие цели: «укрепить с помощью изгнанников военную мощь османской армии, увеличить численность крестьян для освоения неплодородных земель, увеличить удельный вес мусульман в регионах с преобладанием христианского населения...» [3, с. 136]. В соответствии с этими задачами северокавказские горцы не получили права на свободное расселение внутри Османской империи. В результате горцев расселяли по всем территориям, принадлежащим на тот момент Османской империи: в Турции, Сирии, Иордании, Ливане, Египте, в странах Балканского полуострова.

По сведениям А. В. Кушхабиева, «османское правительство рассеивало черкесских иммигрантов небольшими группами по всей империи, избегая селить их компактно в каком-либо одном месте, из опасения, что в этом случае могут возникнуть сложности с установлением контроля над черкесами» [11, с. 34].

Расселение горцев Северного Кавказа в Османской империи можно разделить на два этапа. В ходе первого этапа – периода так называемого «первоначального расселения горцев» – их размещение отчасти проходило спонтанно. В целом география первоначального расселения горцев Северо-Западного Кавказа в Османской империи была такова: горцев селили на незаселенных окраинах Турции, в частности, среди христианского населения (армян, греков) Сирии, Ливана, Иордании, Ирана, Ирака, Египта и среди христианских народов Балканского полуострова, в частности, в Болгарии. А. Х. и Х. А. Касумовы указывали, что «поселения черкесов были расселены по всей Болгарии малыми группами, вперемешку с болгарскими деревнями» [8, с. 38].

Во время второго этапа расселения горцев, так называемого «вторичного расселения горцев», внутри Османской империи, начавшегося в 1880-е гг., горцы стали переселяться с Балканского полуострова вглубь Турции, в Анатолию, и другие страны Ближнего Востока, в частности, в Сирию, Иорданию, Египет. Необходимость повторного переселения горцев обуславливалась последствиями окончания русско-турецкой войны 1878 г.

Во многом на первом этапе обустройства горцев Северного Кавказа в Османской империи все шло самоотечком. Горцам приходилось самим организовывать свою жизнь. В 1860-е гг. в Османской империи еще не была сформирована система государственной помощи обустройства горцев. Как сообщал российский посол А. Н. Моншин, северокавказские переселенцы после их прибытия в черноморские порты империи не знали, куда им ехать дальше. Обращаясь к местным властям, в частности, к турецкому чиновнику Гасану Эфенди, который должен был заниматься этим этапом обустройства горцев в Османской империи, переселенцы не получали никаких предписаний. В результате многие из них оставались в этих портах, обустроив на их окраинах свои временные жилища. Часто прибывшим переселенцам разрешали селиться в организованные специально для них дома при местных мечетях [15, с. 13].

Постепенно местные власти стали организовывать временные переселенческие лагеря, в которых северокавказские горцы ожидали пароходы для расселения их внутри Османской империи, в частности, такие лагеря были в Ачка-Кале, Синопе, Самсуне и Варне.

Следует отметить, что отсутствие серьезной помощи северокавказским переселенцам, в том числе и финансовой, во многом объясняется тем тяжелым социальным и политическим кризисом, в котором находилась Османская империя к тому времени [1, с. 35].

В тот период Османская империя действительно не обладала достаточными финансовыми и материальными ресурсами для принятия прибывающего потока переселенцев. Скудность средств, выделяемых государственной казной на обустройство новых подданных, безразличие местных властей к их нуждам, казнокрадство, неприличные и весьма неблагоприятные условия, в которых оказывались северокавказские горцы на новом месте обитания, приводили к массовой гибели людей от голода и эпидемий в первые месяцы после эмиграции.

По сообщению российских чиновников – А. Н. Моншина и поверенного в делах России в Константинополе Д. С. Новикова – они проводили переговоры с местными властями, в том числе и с министром иностранных дел Турции Али-Пашой о возможности улучшения положения северокавказских горцев в Османской империи и о формировании комитетов по их обустройству [15, с. 135].

После середины 1870-х гг. ситуация стала меняться к лучшему. Местные власти начали уделять значительное внимание организации быта и жизни северокавказских горцев и их положение, по сравнению с 1860-ми гг., как отмечали очевидцы, облегчилось [14, с. 445]. В 1887 г. была возрождена и активно заработала Иммиграционная комиссия, располагавшаяся в Стамбуле и сформированная для организации как самого переселения горцев в Османскую империю, так и их дальнейшего обустройства на месте. С 1880-х гг. на территории Османской империи стали возникать различные частные благотворительные или государственные общества, например: Комитет содействия черкесским беженцам; Стамбульская иммигрантская комиссия по делам переселенцев; Сирийская Комиссия содействия черкесским иммигрантам, руководителями которой стали начальник полиции черкес Хорсов-паша и командир полицейского эскадрона черкес Мирза-паша; Дамасская комиссия по эмигрантским делам. Перечисленные общества занимались организацией расселения горцев, снабжением их денежными пособиями, оказанием помощи при строительстве жилья.

Местные власти расселяли северокавказских горцев преимущественно на незаселенных местах, которые приходилось осваивать с нуля. Часто эти земли не были пригодны для сельского хозяйства. Горцы требовали предоставить им более плодородные места. Тем не менее, переселенцы со временем сумели развить на предоставленных им землях земледелие и животноводство, а также возродили на новом месте и различные северокавказские ремесла [4, с. 99].

Наиболее успешными стали те северокавказские горцы, которые начали делать в Османской империи, прежде всего, военную карьеру. Известна традиция использования черкесов в качестве воинов (мамлюков) в Египте, которая восходит еще к XIII-XIV вв. Задолго до начала массового выселения северокавказских горцев в Османскую империю, еще в XVIII – первой половине XIX в. местные военные активно использовали черкесских наемников в составе иррегулярной кавалерии (башибузуки), в полицейских войсках и частях регулярной армии [17, с. 145]. В первой половине XIX в. в Османской империи начался период модернизации турецкой армии, значительную роль в которой уже в это время играли адыги, называемые там черкесами. В этот период был сформирован известный кавалерийский полк, входивший в состав Константинопольского гвардейского корпуса. В Турции работал Османский экспедиционный корпус, в котором были и черкесские отряды легкой конницы. В конце XVIII – начале XIX в. началась военная карьера черкеса генерала Хусейн-паши. В 1792-1804 гг. Хусейн-паша уже командовал турецким флотом, затем стал главнокомандующим Османской армией (1831-1833). А. В. Кушхабиев описывает успешную военную карьеру, сделанную северокавказскими горцами в османской армии уже в первой половине XIX в. Среди них историк называет абхазца Хузрев-пашу, адыга маршала Февзи Ахмед-пашу и др. [10, с. 40].

Некоторые северокавказские горцы делали государственную карьеру. Известен министр иностранных дел (1852-1861), впоследствии великий везир империи (1861-1866) Мехмед Фуад-паша [Там же, с. 41].

В первой половине XIX в. в Османской империи возникла черкесская иммигрантская верхушка, состоявшая из высшего офицерства и государственных чиновников, и сформировалась практика военной карьеры черкесских переселенцев конца XVIII – первой половины XIX в. Многие сочетали военные и гражданские должности. Вышеуказанный генерал Хусейн-паша, помимо руководства турецким флотом, занимал должность великого везира Османской империи. Помимо собственно Турции в первой половине XIX в. военнo-чиновничья черкесская группировка была уже в Египте, Сирии и Тунисе. Как указывал адыгейский автор С. Х. Хотко, уже к 1840-м гг. в Османской империи государственная власть во многом была сосредоточена в руках черкесских военачальников [17, с. 145]. По нашему мнению, именно влияние горских военных и гражданских лиц на государственную жизнь Османской империи первой половины XIX в. сыграло свою «роковую» роль в активизации переселения северокавказских горцев с конца 1850-х – первой половины 1860-х гг. Участие северокавказских горцев в военной и гражданской жизни Османской империи продолжалось и во второй половине XIX в. Османские власти расселяли северокавказских горцев в «горячих точках» империи, на местах, где османские власти были слабы, а антиосманское сопротивление сильно. На юго-востоке Малой Азии военизированные поселения северокавказских горцев должны были сдерживать развитие антиправительственного национального движения армян и курдов. На Ближнем Востоке северокавказские переселенцы использовались как буферная сила, охранявшая границы империи от арабских бедуинских племен.

В 1860-е гг., после первой волны пореформенного переселения, в Османской империи началось активное формирование черкесских кавалерийских полков и черкесской гвардии султана. В эти годы было создано три отдельных кавалерийских полка (руководили ими генерал Мустафа-паша, Мусса Кундух, сын Шамиля Гази Мухамед-паша). В этот период сделали военную карьеру черкесы Мехмед Рауф-паша и Тхуго Фуад-паша. В 1878-1879 гг. великим везиром стал черкес Хайреддин Ат-Туниси, автор тунисской конституции. В 1910-е гг. одним из российских консулов в Османской империи стал черкес В. Н. Гаджимуков.

А. В. Кушхабиев в своих исследованиях подробно показывает судьбу многих горцев, ставших крупными военными в турецкой армии, среди них – генерал-полковник Абух Ахмет-паша (1857-1923) и командующий турецкой армией Ахмет Анзаур Анчок (1873-1921). За период 1864 – 1910-х гг. около 150 адыгов получили от турецких властей различные гражданские чины и военные звания [11, с. 35-36]. По данным Н. Берзеджа, звания османских пашей получили около 250 черкесов, 12 из них стали премьер-министрами, один удостоился титула шейх-уль-ислама, в период с 1530 по 1910 гг. около 115 человек стали маршалами, генералами, командирами воинских частей, послами [3, с. 111]. Сословный статус северокавказских переселенцев оказывал влияние при формировании военной карьеры и в Османской империи. Турецкий султан стремился пополнять свой личный конвой горцами именно из аристократических родов.

Турецкие власти намеренно обратили свое внимание на горцев из высших сословий, особенно черкесов, предоставляя им различные привилегии. В частности, князья и уздени имели льготы при устройстве своей государственной или военной карьеры, при распределении земельных участков.

Со временем северокавказские переселенцы сумели занять значительное место в общественно-политической жизни Османской империи конца XIX – начала XX в. Как справедливо отмечает Б. Н. Березгов, «влияние черкесских лидеров в то время было настолько сильно, что они могли оказать определенное воздействие на политические события в Османском государстве» [2, с. 12].

В частности, в 1908 г. в Турции было учреждено Черкесское общество единения и взаимопомощи (Хасэ) и его региональные отделения в различных районах Османской империи, членами которого, как отмечал Б. Н. Березгов, стали северокавказские горцы-военные турецкой армии: маршал Абдуллах-паша, маршал Мехмед Берзеки Зет-паша, генерал Пух Назми-паша, генерал Мет Иззет Чунатуко, Тхерхет Ахмет Джавит-паша [Там же, с. 15]. Согласно Уставу этой организации, основными целями деятельности должны были стать: распространение образования среди черкесов, развитие торговли и сельского хозяйства, а также сохранение

национальных обычаев и традиций, не противоречащих конституции Османской империи [16, с. 25]. Члены Черкесского общества единения и взаимопомощи в течение 1911-1914 гг. издавали на трех языках (кабардинском, турецком и арабском) газету «Гъуазэ», организовали несколько школ, в которых обучались адыгские дети, предпринимали попытки создания адыгского алфавита, занимались распространением исламских знаний и организацией системы исламского образования на своей родине, на Северо-Западном и Центральном Кавказе. В 1914 г. было образовано Стамбульское общество по распространению знаний среди кавказцев, целью которого было предоставление различной помощи переселенцам из Северного Кавказа.

Пройдя действительно тяжелый путь обустройства на новых территориях, горцы и особенно их дети сумели войти в культурную жизнь империи. Дети северокавказских горцев смогли получить фундаментальное исламское образование уже в Османской империи.

Северокавказским горцам удалось достичь крупных успехов в области культуры. Многие из них на чужбине стали писателями, художниками и музыкантами, среди них – писатель, профессор Стамбульского университета Ахмед Мидхат Хагур (1844-1913), писатель Омер Сейфеддин (1844-1920), художник Зейша Исмаил Намык (1890-1935), художница Михри Расим Ачба (1913-1988).

Для горцев, оставшихся на родине, на Северо-Западном и Центральном Кавказе, лишь отчасти изменив территорию своего проживания, в частности, переселившись с гор на равнину, последствия миграционной политики Российской империи заключались в том, что они, во-первых, потеряли многочисленных родственников и соотечественников, свыше 90% адыгов покинули родину, во-вторых, лишились своих исконных земель, были вынуждены осваивать новые земли и, наконец, испытали кризис всей традиционной системы и уклада их жизни. В значительной степени на Северо-Западном и Центральном Кавказе было приостановлено распространение ислама, исламских ценностей и исламского образования. От самого многочисленного народа на Северном Кавказе остались лишь небольшие этнические «островки».

По мнению А. Ю. Чирга, «потерпев в XIX веке неудачу в создании собственной государственности, северо-западные адыги логикой исторического развития были поставлены перед необходимостью обретения опыта государственного строительства через государственную систему России» [18, с. 81].

Российские реформы, проводившиеся империей на протяжении практически всей второй половины XIX – начала XX в., были направлены на организацию новой системы управления горскими народами путем частичной модернизации самой горской жизни, что оказало негативное влияние на сохранение национальной и исламской культур народов Северного Кавказа. Попытки Российской империи в проведении культурно-образовательных реформ велись в русле формирования в горской среде российского сознания и российской идентичности, что также влияло на ослабление бытования северокавказских общественных и семейных традиций.

Одним из главных каналов, по которым происходило включение значительной части горской знати в ряд господствующего класса России, была ее служба в российской армии. Как правило, военными становились представители высших горских сословий, не имевшие специального военного образования, производившиеся в офицерские чины российской армии, в первую очередь, не в силу уже имевшихся заслуг, а в качестве поощрения. Впоследствии дети этой волны горских военных получали специальное военное образование и воспитание в российских учебных заведениях Санкт-Петербурга и Москвы. Горцы служили как в общих российских войсках, так и в специально организованных для них горских военных подразделениях, создание которых началось еще в первой половине XIX в., когда на Северном Кавказе из местного населения был сформирован Кавказско-горский полуэскадрон (Анапа, 1828 г.), позднее переименованный в Кавказско-горский полк. Многие командиры и младшие офицеры в Анапском полуэскадроне были родом из Кабарды и принадлежали к известным фамилиям. Если посмотреть на один из архивных списков командного состава этой военной организации, то мы увидим, что в нем значатся 4 князя, 11 узденей первой степени, 4 узденя второй степени.

В 1860-е гг. был сформирован Терско-Горский конно-иррегулярный полк, который подразделялся на полки, состоявшие из представителей одной этнической группы: имелись ингушский, осетинский, кабардино-кумыкский, дагестанский, чеченский полки. Наряду с ними были образованы горские сотни Кубано-Горского иррегулярного полка. В конвой российских императоров активно брали горцев. Военная служба в российской армии стала очень престижной, поэтому неслучайно, что не только в руководстве, но зачастую и среди рядовых членов военных подразделений, было много лиц из высших сословий. Это нетрудно проследить по списку сотрудников организованной милиции – Управления центра Кавказской линии, в руководстве которого было 3 князя, 1 уздень, а из 110 всадников 70 человек были узденями. В 1860-х гг. была сформирована Терская постоянная милиция, в которую были приглашены служить многие представители высших сословий, например, кабардинский князь Эльмурза Докшукин.

В ходе создания системы управления горцами Северного Кавказа российская администрация начала активно привлекать их, особенно представителей знати, в организованные ею новые государственно-административные органы власти, как правило, местного уровня. Первые попытки создания корпуса местных чиновников были сделаны еще в первой половине XIX в., о чем свидетельствует введенная система приставства, которая позволила многим влиятельным горским князьям получить должности приставов. Приставом Тохтамышевского общества был полковник Алкин, ногайцев – ногаец Султан Менгли-Гирей. При назначении горцев на эту должность российская администрация часто следовала принципу назначения пристава из соседнего народа. Так, в 1850-х гг. приставом карачаевского народа был назначен осетин Тургиев, закубанских черкесов – кабардинец полковник Абдурахманов. Тем не менее, в первой половине XIX в. для горцев военная служба была более престижной, чем гражданская. Иногда, как это имело место с должностями приставов, местная знать стремилась совмещать военную службу и гражданские должности.

Во второй половине XIX в. наблюдалось увеличение численности представителей местного населения во введенных Россией новых административно-управленческих структурах. В этот период многие горцы, принадлежащие к высшим сословиям, стремились получить должность, как в центральных, так и региональных (местных) административных органах управления. Престижными должностями были места начальника округа, участка, старшины в сельском управлении. Основными требованиями со стороны российской администрации было знание русского языка и лояльное отношение к России. Тем, кто хотел делать крупную карьеру в российских государственных или военных структурах, особенно центральных, негласно ставилось и другое условие – принятие православия. Некоторые горцы соглашались на это. Так, балкарец Умар Шамамов, служивший в российской армии, прошел христианский обряд крещения.

По-прежнему в этот период северокавказские горцы стремились сочетать военные и гражданские чины. Иногда это было необходимо для успешного выполнения обязанностей, иногда это было важно с точки зрения престижа. Так, кабардинский князь, полковник Султанбек Клишбиев в течение ряда лет занимал должность начальника Нальчикского округа (1910-1917). Многие горцы, получившие высшее образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, на Северном Кавказе занимали должность юрисконсульта, которая была введена как во всех Горских словесных судах Северного Кавказа, так и в органах власти и управления. Балкарский таубий Басият Шаханов работал юрисконсультом при Съезде доверенных сельских обществ Большой и Малой Кабарды и Пяти горских обществ, который проводился периодически с 1890 по 1910-е гг. Данный орган общественного самоуправления рассматривал наиболее важные для жизни горцев вопросы устройства их жизни и представлял собой преимущественно собрание лиц из высших сословий Кабарды и Балкарии. Для подписания Съездом доверенных «Общественного приговора» об учреждении в Кабарде окружных и участковых судов было выбрано 86 человек, 54 из них принадлежали к высшим привилегированным сословиям. Кабардинский уздень Магомет-Гирей Шипшев работал юрисконсультом при Горском Словесном суде Нальчикского округа (1910-1914). Должности сельских старшин горцы получали не путем назначения, а через систему двухступенчатых выборов, результаты которых утверждались окружной администрацией. В силу этого, как правило, именно российские чиновники сами предлагали общинам те кандидатуры, которые они готовы были утвердить. Представители высших сословий использовали все меры, вплоть до подкупа российских чиновников, для того, чтобы получить эти должности.

Для формирования пророссийски настроенного местного населения российская империя проводила сословно-земельные реформы, которые во многом определяли правовой статус высших сословий горцев Северного Кавказа. Еще в начале XIX в. российской администрацией широко практиковалась раздача всевозможных «охранных листов», грамот, билетов лояльно настроенным к России горцам на право владения земельными участками. Во второй половине XIX в. практика передачи земель в частное владение горцам, поддерживающим Россию и ее политику на Северном Кавказе, продолжалась и расширялась.

Важным инструментом для продвижения российской государственности и идеологии в северокавказскую среду стал ислам. Российская администрация всячески стремилась привлечь на свою сторону местных исламских руководителей, которые в основном ориентировались на сотрудничество не с Россией, а с Османской империей. Проект использования духовенства для колонизации Северо-Западного и Центрального Кавказа был сформулирован еще в 1830-е гг. Хан-Гиреем. По его мнению, для завоевания горских обществ следовало, прежде всего, привлечь на сторону России черкесское духовенство путем изменения его социального и политического статусов, предоставив ему реальные властные полномочия [5, с. 45-48].

На Северо-Западном и Центральном Кавказе одним из «пророссийски» настроенных мусульманских лидеров стал Умар Шеретлоков. В Кабарде лояльно относящиеся к России муллы и эфенди по просьбе российской администрации проповедовали необходимость поддержки горцами России и ее деятельности по упорядочению горской жизни.

Образовательная политика Российской империи на Северном Кавказе – важный инструмент формирования пророссийски настроенного слоя общественной и культурной интеллигенции. Процесс «имперского» воздействия на северокавказское сознание включал в себя и введение для определенного слоя общества системы российского образования и воспитания. Российская администрация стремилась «воспитать» горцев Северного Кавказа как путем приглашения их на учебу в столичные учебные заведения, например, в университеты, в горный, технологический и лесной институты и кадетские корпуса, так и путем формирования системы начального, среднего и высшего образования, главным образом светского, на Северном Кавказе при одновременном ограничении и непредоставлении финансовой поддержки развитию системы исламского образования. Мусульманское духовенство Северо-Западного и Центрального Кавказа, ориентированное на Османскую империю, активно противилось распространению светского российского образования. Особенно активно развитие светского образования началось с 1870-х гг. Был подготовлен план расширения сети светских школ среди народов Поволжья, Урала, Сибири, Кавказа и Крыма под названием «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» (26 марта 1870 г.). Как утверждал министр народного просвещения граф Д. А. Толстой, «конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [Цит. по: 12, с. 281].

Идеологом русификации народов на национальных окраинах России стал русский ученый-тюрколог, профессор Императорского Казанского университета и Казанской Духовной Академии Н. И. Ильминский (1822-1891). Им был предложен следующий метод русификации: создание на первом этапе начальных школ на местных языках народов империи с параллельным изучением русского языка и с переводом обучения на втором этапе полностью на русский язык. Ряд общественных деятелей Северного Кавказа второй половины XIX в. поддерживали деятельность так называемых «русификаторов» (Крым-Гирей, Коста Хетагуров и др.).

Еще в 1830-е гг. российская империя начала создавать систему учебных округов, на которые были поделены российские регионы, но кавказский регион в то время не вошел в эту систему. Долгое время школьное дело на Кавказе было в ведении Главноуправляющего Грузией и Закавказья. Наконец в 1868 г. был учрежден Кавказский учебный округ (попечитель – Я. М. Неверов) [13]. С 1870-х гг. для его систематизации были учреждены должности инспекторов училищ и попечителя Кавказского учебного округа, которые занимались строительством светских учебных заведений, подбором и обучением кадров к ним, распределением стипендий ученикам этих школ.

Первый этап организации школ нового типа на Северном Кавказе был неудачен. В середине 1870-х гг. в Кабарде были открыты три русские школы в селениях Кучмазукино, Куденетово I, Шалушка, но просуществовали они недолго, горцы отказались их посещать. Второй более успешный этап создания таких школ относится к концу 1890-х гг., когда на всем Северном Кавказе были организованы аульские начальные школы. Так, по данным на 1914 г., в Кабарде и Балкарии было 50 светских школ [6, с. 93].

Помимо начальных учебных заведений на Северном Кавказе организовывались средние учебные заведения (Владикавказ, Грозный, Пятигорск).

В области судебного реформирования Российская империя сохранила традиционную систему горского судопроизводства, основанную частично на адате и шариате. Функционировали адатные и шариатные суды, в которых горцы могли рассматривать спорные дела.

Из всего вышесказанного следует, что для этнокультурного развития горцев Северного Кавказа пореформенного времени были характерны процессы аккультурации, целенаправленной русификации.

Если рассматривать последствия миграционных процессов народов Северо-Западного и Центрального Кавказа и переселенцев в Османскую империю, интересна точка зрения молодого этнолога Н. Ч. Кубова, который считает, что этническая судьба горцев-переселенцев и тех, кто остался на родине, в целом, сложилась одинаково, что обуславливалось аналогичными параметрами, а именно: статусом этнического меньшинства, дисперсностью расселения и сокращением структуры семьи [9, с. 218].

Очень мало было научных работ, в которых сравнивалась судьба горских этносов в Российской и Османской империях. Как можно было сделать карьеру горцам в Российской и Османской империи? Для этого мы обратились к описанию жизни горцев в Российской и Османской империи в конце XIX – начала XX в. Мы показали, что основной путь продвижения в обществе в Российской и Османской империях для горцев был одинаков. Проведя анализ положения горцев в Российской и Османской империях, мы пришли к выводу, что этническая и религиозная судьба горцев при всех других обстоятельствах была более удачной и успешной в Османской империи, а не в Российской. Оставшиеся на родине горцы подверглись радикальным переменам всего традиционного горского уклада – процессу аккультурации. Описание различных сторон горского общества пореформенного периода показывает, что горцы Северного Кавказа в значительной мере потеряли тот фундамент, на котором строилась их традиционная жизнь.

Список литературы

1. Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании. М., 2001. 120 с.
2. Березгов Б. Н. Черкесская диаспора // Адыгская и карачаево-черкесская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 7-19.
3. Берзедж Н. Изгнание черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996. 224 с.
4. Довлет-Гирей Султан. Жизнь черкесов-переселенцев в Турции // Деятели адыгской культуры дооктябрьского периода / сост. Р. Х. Хашхожева. Нальчик, 1991. С. 99-136.
5. Жемухов С. Н. Мироззрение Хан-Гирея. Нальчик, 1997. 115 с.
6. Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии в конце XVIII – начале XX вв. Нальчик, 1995. 128 с.
7. Касумов А. Х., Касумов Х. А. Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. 200 с.
8. Касумов А. Х., Касумов Х. А. Дипломатическая борьба во время выселения и расселения адыгов в Османской империи // Россия и Черкессия (вторая половина XVIII – XIX вв.). Майкоп, 1995. С. 38-54.
9. Кубов Н. Ч. Некоторые аспекты этнокультурной адаптации адыгов в Турции // Перспектива – 2004. Нальчик, 2004. С. 216-218.
10. Кушхабиев А. В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры: монография. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 320 с.
11. Кушхабиев А. В. Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993. 166 с.
12. Морозов И. Л., Семенова Н. Н. Татарская АССР: материалы по истории Татарии второй половины XIX века: в 2-х ч. / Академия наук СССР; ред. акад. В. П. Волгин. М. – Л.: АН СССР, 1936. Ч. 1. Аграрный вопрос и крестьянское движение в 50-70-х гг. XIX века. 512 с.
13. Порхова Т. М. Кавказский учебный округ в начале 20 века: организация управления // Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока. М., 2001. С. 48-49.
14. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е годы XIX в.): сборник архивных документов / сост. Т. Х. Кумыков. Нальчик, 2001. 496 с.
15. Трагические последствия Кавказской войны для адыгов (вторая половина XIX – начало XX вв.): сборник документов и материалов / сост. Р. Х. Гугов, Х. И. Касумов, Д. В. Шабаев. Нальчик, 2000. 464 с.
16. Устав Черкесского общества единения и взаимопомощи // Адыгская и карачаево-черкесская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 25-70.
17. Хотко С. Х. Черкесские мамлюки. Майкоп, 1993. 178 с.
18. Чирг А. Ю., Денисова Н. Н., Хлынина Т. П. Государственность Адыгеи: этапы становления и развития. Майкоп: ООО «Качество», 2002. 167 с.

THE MAIN CONSEQUENCES OF MIGRATION OF THE ADYGHE PEOPLE OF THE NORTHWESTERN AND CENTRAL CAUCASUS

Khachetlova Susanna Mukhamedovna, Ph. D. in History
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
ha4etlova@yandex.ru

The problems of migratory processes take a prominent place in historical science. Thus the author has described migratory processes that took place within the territory of the Northwestern and Central Caucasus from the end of the XVIII century till the first decade of the XX century, and examined the consequences of the migratory policy of tsarist Russia and the Ottoman Empire for the Adyghe people. The comparative analysis of the conditions of living of mountain ethnoses in the Russian and Ottoman Empires is conducted and the main way of promotion for the mountain-dwellers in the society of these countries is shown.

Key words and phrases: the Adyghe people (the Kabardinians, the Circassians and the Adygeis); migratory policy; policy of tsarist Russia; The Ottoman Empire; state career; military career; process of acculturation and Russification.

УДК 7.011.26

Искусствоведение

Статья посвящена изучению вопросов градостроительного освоения территории Тувы, становления и развития архитектуры, что позволяет создать более целостное представление о наиболее важном этапе формирования историко-культурных традиций в регионе. Автором проанализированы социальные, экономические и политические факторы, напрямую влияющие на формирование поселений. Анализ архитектурно-планировочного решения городов позволил выявить особенности влияния культуры и быта народов, проживающих в этом регионе, на типологию и характер застройки.

Ключевые слова и фразы: градостроительство; Республика Тыва; кочевые поселения; буддийские поселения; город Кызыл; планировочная структура.

Хвичия Джумбер Аликович

Тувинский государственный университет
dzh1084@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ТУВЫ[©]

Географические и природно-климатические условия Тувы: резко континентальный климат, формирующий холодную и малоснежную зиму, теплое лето, с небольшим количеством осадков – создают условия для развития определенной хозяйственной деятельности, что является основой для градостроительного освоения пространства. На территории региона получило широкое развитие отгонное скотоводство, земледелие занимало площади Западной и Центральной Тувы.

В регионе сложились две градостроительные системы: кочевая и оседлая.

Характерным является то, что эти две системы градостроительного освоения пространства существуют одновременно, дополняя друг друга. В разные исторические периоды наибольшее развитие получает та или иная градостроительная система, что связано с особенностью государственного уклада и уровнем развития производства. Кочевая культура превалирует в регионе в период вхождения территории современной Тувы в состав – Тюркского каганата, государства древних кыргызов, что было связано с кочевым ведением хозяйства и соответствующими ему формами организации архитектурного пространства. В период вхождения территории Тувы в состав Уйгурского каганата (VIII-IX вв.) получают развитие оседлые формы освоения пространства. В этот период на территории региона развивается земледелие, что и приводит к строительству стационарных населенных пунктов. Археологическое изучение Тувы выявило нахождение на территории сети средневековых поселений с развитой инфраструктурой, соответствующей этому времени, – города служили центрами торговли, в них сосредотачивались ремесленники и гончары. Средневековые города были хорошо укрепленными сооружениями (с крепостными стенами, поднимающимися на высоту от десяти до двенадцати метров над уровнем городища), являлись экономическими и культурными центрами государства. После распада Уйгурского каганата города были разрушены.

Новый виток градостроительного развития территории Тувы приходится на период существования Монгольской империи. Так, в XIII-XIV вв. на территории Центральной Тувы появляются оседлые населенные пункты, в отличие от уйгурских городищ не имеющие крепостных стен. Отсутствие элементов фортификации было продиктовано тем, что в поселениях в основном проживали ремесленники-колоницы, среди которых возникали недовольства и волнения, для подавления которых привлекалась армия: «городам не позволено иметь стен и ворот, дабы не смогли жители препятствовать вступлению войск» [2, с. 165]. Города имели четкое зонирование территории, выделяются кварталы ремесленников, зоны административных зданий и торговых площадей. Жилые и хозяйственные помещения ремесленников и земледельцев строились из деревянного каркаса, стены были обмазаны глиной, дома богатых и знатных жителей были из кирпича. Административные